

Об истории семьи, учебе во время войны, Караганде и геологии угольных месторождений

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1594>

26 апреля 2013

Собеседник

Голицын Михаил Владимирович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 26 апреля 2013 и опубликована 30 сентября 2013.

Введение

Беседа посвящена и рассказу о славных предках Михаила Владимировича, близких ученому своей научной и общекультурной деятельностью, яркой судьбой и бескомпромиссностью. Он рассказывает о своем научном пути — от первых увлечений к полевой и научной деятельности. Вместе со страной семья ученого пережила драмы и трагедии XX века, отец несколько раз был арестован и рано погиб, а его родственникам было запрещено жить в Москве. Удивительное жизнелюбие позволяет Михаилу Владимировичу говорить не о лжи, унижениях и гонениях, а о замечательных ученых, которые вместе с ним исследовали земные недра. О работе, которая стала для него делом жизни. После окончания института Михаил Владимирович по собственной инициативе поехал работать в Караганду — потому что там ему было интересно, — где прошел путь от рядового геолога до главного специалиста крупнейших экспедиций по разведке угольных месторождений Казахстана и всего СССР.

Публикуется в рамках совместной исследовательской программы Фонда «Устная история» и Нефтегазового центра МГУ.

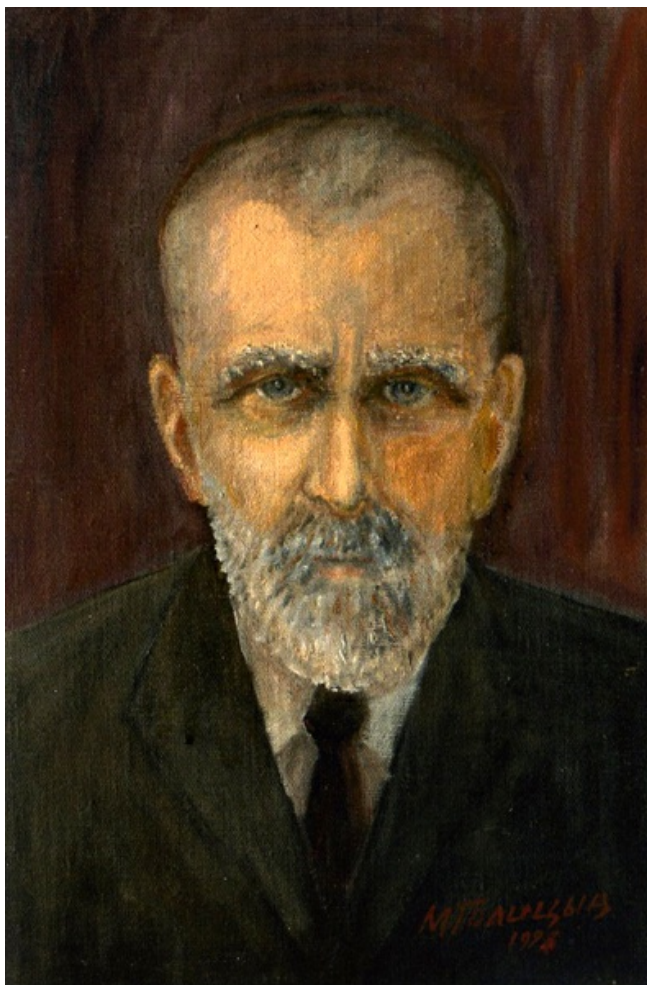
Юрий Вадимович Самодуров: 26 апреля 2013 года. Я в гостях дома у Михаила Владимировича Голицына. Мне, я считаю, страшно повезло, потому что в свое время, в Музее-центре Сахарова были выставки брата Михаила Владимировича, [художника] Иллариона Владимировича Голицына. Вот его портрет работы Михаила Владимировича. И эти выставки были одни из моих любимых. Я там многих Голицыных видел. В том числе и вас. У меня это в памяти осталось и с большим чувством и пиетета, и почтения, и интереса к вашей судьбе, к тому, что вы делаете. И сейчас появилась возможность для Фундаментальной библиотеки МГУ, для Отдела устной истории поговорить с вами о вашей жизни, вашей судьбе, вашей работе. У меня есть... подсказка, какие-то вопросы. И я могу, если вы не против, время от времени туда заглядывать. Можно?

Михаил Владимирович Голицын: Ради бога!

О своих выдающихся родственниках

Ю.С.: Ну, прежде всего как вы росли, где родились? Папа, мама, бабушки, дедушки. Этот период жизни настолько важен.

М.Г.: Да. Я вообще всю жизнь восхищался предками своими. И прямыми, и не совсем прямыми. Начиная, конечно, с прадеда Владимира Михайловича который был три созыва городским головой. Очень много сделал для Москвы на рубеже XIX и XX века: и трамвай пустили, и канализацию, простите, и водопроводы, и метро собирались делать. Больниц он много открыл, вокзалы. Половина вокзалов московских при нем, в этот период была построена.

Ю.С.: А какие вокзалы не напомним?

М.Г.: Белорусский. Савеловский, конечно. Девятисотые, девяностые годы... Ну, еще Рижский.

Ю.С.: Понятно.

М.Г.: Вот, и это наиболее близкий мне человек. А наиболее замечательный из Голицыных — это Дмитрий Алексеевич Голицын, который был посланником во Франции и в Голландии. Екатерина ему давала денег, и он пополнял коллекцию Эрмитажа. Труды, библиотеку Вольтера привез. Привез Фальконе, чтобы воздвигнуть Петру памятник. Но, у него курьезные разные вещи в жизни получались.

 В те годы он дружил с посланником только что образованных Соединенных Штатов Адамсом. И Дмитрий Алексеевич Екатерине предлагал признать Соединенные Штаты, но она не могла это сделать, она с Англией была связана.

А после смерти Вашингтона Адамс стал вторым президентом Соединенных Штатов, и очень тепло отзывался, что этот Дмитрий Алексеевич Голицын такой культурный, умный и так далее и так далее. И после таких вот взаимоотношений с будущим американским президентом он попал в опалу и не вернулся в Россию, разругался с Екатериной. Не вернулся в Россию, но занялся науками. Занялся физикой, химией и дружил с Фарадеем, Лавуазье, Паскалем (*оговорка, годы жизни Паскаля 1623–1664 — прим. ред.*). И, в общем, научными всякими изысканиями занимался. Собрал великолепную коллекцию минералов. И подарил эту коллекцию Йенскому университету. А там этим музеем заведовал Гёте, самое что интересное. И Гёте очень хорошо отзывался о Голицыне, что такой умный человек, великолепную коллекцию подарил, и предложил назвать его именем минерал. Голицын категорически отказался. И этот минерал сегодня называется геденбергит, его можно посмотреть в любом музее.

Ю.С.: Я с ним знаком...

М.Г.: Такой минерал. Потом у Дмитрия Алексеевича сын был замечательный. Он стал священником, отцом Августином. И в Америке до сих пор есть город Голицын, есть храм, где мозаика его и витраж его. Его очень уважают и почитают, отца Августина. Вот такой яркий человек. Он и литературу знал, и со всеми энциклопедистами был знаком. И пополнял коллекцию Эрмитажа. А потом занимался минералами, занимался химией. Усовершенствовал громоотвод. В общем, я преклоняюсь перед Дмитрием Алексеевичем Голицыным, и больше такого я не знаю столь разностороннего человека (не важно, Голицын он или не Голицын) с такой богатой эрудицией. А откуда я все это узнал? Бывший лагерник по фамилии Цверева, грузин, долгие годы собирал материалы, переписывался со всеми йенскими и не йенскими, и с сорбонами... И собрал, и выпустил книжку «Дмитрий Алексеевич Голицын». Вот она, стоит на полке. И там подробно изложена жизнь этого выдающегося, я считаю, россиянина, который, правда, не вернулся в Россию и умер в Брауншвейге. Но семьдесят лет он с лишним прожил все-таки. Потом, конечно, интересный был Борис Борисович Голицын. Сейсмолог, геофизик выдающийся, академик. Но у него очень сложная жизнь была. Про нее очень долго рассказывать...

Ю.С.: Если можно, немного... Потому что, когда я был студентом, у нас об этом говорили. О нем. О его сейсмографе.

М.Г.: Да, да, да, да.

Ю.С.: Картинку даже помню, чертеж.

М.Г.: Ну, у него зигзагами была жизнь. Во-первых, он, когда юнгой был в морском училище, плавание большое совершил чуть не вокруг света. И его командиром там был Константин Павлович, великий князь.

И они подружились, в общем, а это потом сыграло такую злую шутку, что ли. Голицына собрались выбирать в академики. Ну там, он учился, женился, много у него было... Ну вот, выборы в Академию. И комиссия Академии выбрала, справедливо выбрала, подчеркиваю, кандидатом Столетова, физика выдающегося. А Константин Павлович, президент Академии, своей волей вычеркнул Столетова, так как он очень своевольный и своенравный был и относился к действующему режиму неважно, мягко выражаясь. В общем, Голицын был другом Константина Павловича, и его выбрали. А этому предшествовало, что когда он вернулся из Франции... Он учился в Сорбонне или в Страсбурге и получил звание доктора наук там. А сюда приехал — здесь его не признали. И он вынужден был снова (в МГУ, кстати, в нашем) доказывать свою правоту. Представил магистерскую работу, которая на двадцать — тридцать лет опережала науку, как потом выяснилось. И Столетов, и еще один физик дали отрицательный отзыв. Более того, Столетов написал во все университеты, чтобы тоже дали отрицательный отзыв на диссертацию Бориса Борисовича. Больше того, к иностранным ученым, там, Бойлю (*видимо, Больцману; Бойль умер в 1691 г., а Больцман действительно писал Столетову — прим. ред.*), и еще к кому-то, Гельмгольцу, обратился Столетов, чтобы отрицательные отзывы дали. Но те оба осторожно ответили, что вопрос очень серьезный, только время позволит правильно оценить работу Голицына. И вот потом выборы в Академию. И Столетова не выбирают, Голицына выбирают — и все физики отвернулись от Голицына. И он уехал в Тарту. Потом перешел в Пулковскую обсерваторию. Там налаживал физический кабинет. И сейсмографы по всему миру распространял. Ну и... стал великим. В прошлом году очередная конференция была на физфаке, голицынская. И его до сих пор, так сказать, чествуют. И справедливо чествуют. И тут еще я должен добавить следующее. Он же женился на (забыл, как зовут) Хитрово. И после его смерти, достаточно глупой (он простудился на охоте, заболел воспалением легких и умер в пятьдесят четыре года, по-моему), она осталась одна. Он в 16-м году умер. Осталась одна (в революцию) и страшно бедствовала. Ей какую-то ничтожную пенсию дали, все-таки жена князя, какие там пенсии! Вот, например, жена академика Марра, получала семьсот рублей пенсии. А она — семьдесят. Но тут вступает в действие Петр Леонидович Капица, или Капица, правильнее.

”

Он в Лондоне стажировку проходил, связался с Королевским обществом, объяснил, что в таком положении жена великого русского академика, физика. И там сбросились, грубо говоря, и семьдесят долларов... семьдесят фунтов, простите, назначили ей пенсию.

Это было, начиная с 28-го, по-моему, года. Причем, активно участвовал внук Чарльза Дарвина, который выпускал сейсмографы Голицына и распространял их по миру. Он активно в этой помощи участвовал. И до 34-го года Петр Леонидович Капица вышибал эти средства для поддержания Марии Хитрово. Но в 34-м году Сталин отозвал Капицу, и прекратилось это. И жена великого нашего физика умерла в блокаду, в декабре 41-го года в Ленинграде. Но я как раз хочу подчеркнуть мужество Петра Леонидовича Капицы. Это же в такое время страшное не побоялся протянуть руку жене академика Бориса Борисовича Голицына. Ну, много еще, перелистывая страницы жизни Голицыных, можно вспоминать... Можно вспоминать и современников... Хотя, если уже перечислять, то к концу XIX века среди Голицыных было два фельдмаршала, три адмирала, масса генералов (из них много участников Бородина), губернаторов много, сенаторов, тайных и нетайных советников. Ну, много интересных... Послов много. Ну и современные. Вот, например, выдающийся физик, вы его, конечно, знаете, Георгий Сергеевич Голицын, который занимается экологией, Киотскими соглашениями. Он долгие годы возглавлял Институт физики атмосферы. Академик. Путин ему орден дал. А отец его — писатель. Тоже вы знаете, конечно. Дядя Сережа, как он для нас, племянников, брат отца моего, Сергей Михайлович Голицын. Он прожил восемьдесят лет, умер в 89-м году, на день рождения свой. Он чем замечателен? С одной стороны, он мемуары оставил нам, «Записки уцелевшего». Вы, конечно, это знаете.

Ю.С.: Да.

М.Г.: «Записки беспогонника» — вторая его книга. А потом у него масса книг по архитектуре, по культуре

России, описание храмов. И он очень дотошный был. Точные [сведения] выкапывал из истории этих храмов и доносил до нас... Супруге я обычно читаю вслух, и эти книги все у нас настольные, Сергея Михайловича Голицына.

Ю.С.: Михаил Владимирович, а в детстве, когда вы были маленький, об этом рассказывали папа, мама? Ну, хоть что-нибудь... говорилось об этом?

М.Г.: Ну, о чем об этом? О Дмитрие Алексеевиче Голицыне? Не говорили. О Борисе Борисовиче — так, мельком.

Ю.С.: Просто о Голицыных, об их значении.

Четыре поколения Голицыных (1928), 2003 год

Выселение из Москвы в Дмитров

М.Г.: Ну, когда было мое детство, это 30-е годы, то, по-моему, как это, быть бы живу...

Ю.С.: Вы в каком году родились?

М.Г.: В 26-м. И 36-м мне было десять лет. Вот эти все аресты отца, и я помню приходы его...

Ю.С.: Где вы жили?

М.Г.: Ну, до 29-го года мы жили в Москве. А потом нам предложили подальше, и мы переехали в Дмитров.

Ю.С.: Ну, предложили... Просто выселили?

М.Г.: Ну, мягко выражаясь.

Ю.С.: То есть выдворили, выкинули.

М.Г.: Да. И оттуда (Дмитров — шестьдесят пять километров), вышибали за стокилометровую зону. Но тут вступились... и жена [Максима Горького] Пешкова, Екатерина Павловна, вступилась за нашу семью. Это же прадед был! Прадед, дед, вот они все тут. Портреты я написал. Компания такая была мощная. Прадед, дед, бабушка, отец, мать, нас трое ребят...

Ю.С.: Это в Дмитрове?

М.Г.: Да. Потом, в 32-м году прадед скончался. Я прекрасно помню, как его отпевали в Дмитровском Успенском соборе. Потом мы часто ходили на его могилу, цветы сажали с бабушкой. Там храм на горе Казанской Божьей Матери, и там была его могила. Но потом канал начали строить, и от кладбища ничего не осталось. Там построили поселок итээрковский и... Ну, я только знаю место — во дворе детского сада. Вот здесь была могила... Но слава богу, это не подвал какого-то здания, барака, а территория, двор детского сада. Мы с братом, с Илларионом, промеряли. В общем, мы великолепно знали это место.

Ю.С.: У вас свой дом там был?

М.Г.: Нет. Мы квартиру нанимали.

Ю.С.: Ну, вас столько было, квартира нужна была большая!

М.Г.: Ну, в общем, нам повезло, что такая Прасковья Павловна Иванова, сестра геолога, профессора Иванова, жила в Дмитрове, у нее был длинный дом, как бы из двух частей. И вот переднюю часть дома она сдала нам. Раз, два, три, четыре комнаты. Небольшие. Крайняя была прадеда. Дедушки-бабушки. Проходная была наша, детская, для нас троих. И перегороджена была комната отца с матерью. И гостиная, ну вот такого масштаба... Вот.

 Везде отец развешивал в первую очередь, где бы ни выселяли, портреты предков, всех предков наших, и начиналась, так сказать, жизнь.

Ю.С.: А портреты, прошу прощения, это работы отца или старинные?

М.Г.: Нет-нет. Портреты, начиная с Матвеева...

Ю.С.: О!

М.Г.: Вот эти портреты. Вот они здесь... Вот, верхние, там — Иван Алексеевич и Анастасия Петровна. Ну и дальше, спускаясь.

Ю.С.: То есть это были портреты-оригиналы или фотографии?

М.Г.: Это все оригиналы.

Ю.С.: Были оригиналы у вас дома?

О болезни и работе отца

М.Г.: Они сейчас у Ивана. У Иллариона они были, а сейчас Ивану перешли. Да. Все эти портреты. И отец мой... Сейчас мы о нем книжку выпускаем. Его дневники, его записки потрясающие. Тюремные и не тюремные. Все следствие его. Как его четыре раза арестовывали... И он прожил сорок один год.

И за этот сорок один год столько на него свалилось всего! Как Господь Бог на одного человека столько всего нагрузил! В тридцать лет он упал, коленку повредил, и нога вот так согнулась. И вот этот тридцатилетний человек на костылях ходил. И приладили... порекомендовали, приладили к нему вот такую алюминиевую трубку, а сюда, здесь кожаный манжет, а сюда на винтах такие шкворни, а тут — барашки. И каждый день велели подвинчивать.

Ю.С.: Чтобы чуть-чуть...

М.Г.: Выпрямить ногу! У него дикие боли стали! Судороги! Он кричал! И, в общем, отставили это. Велели ехать на Кавказ, греть там в песке. Поехали... Там горцы приехали... Ну, отец очень был живой и любознательный и привлекал людей. Массу он знал, несмотря на короткую жизнь, о литературе, об искусстве, о чем хотите. Так вот, к нему приехали горцы и сказали: «Хочешь вылечиться? Обложи форелью ногу! И месяц держи и дыши этим воздухом». И мы были свидетелями этого. *(С усмешкой.)*

Ю.С.: Да...

М.Г.: Подойти нельзя было за километр! Выдержал он это. Ничего не помогло! Потом один, Нетыков, хирург-ортопед, предложил ему вырезать коленный сустав к чертям! Туберкулезный который. Вырезали. И срастили вот так, встык, ноги.

Ю.С.: Ох...

М.Г.: Да. Он стал короче на... Сделал каблук себе высокий. Но ожил! Удивительно, срослись кости.

Ю.С.: Но, нога-то не сгибалась же!

М.Г.: Не сгибалась. Нет. Суставов не было. Но он ходил на прямой. Ну, ничего страшного. С палочкой ходил. Вот. И ожил он! Это был 38-й год. Оставалось ему жить, пару-тройку лет. И он снова стал активно работать. Он же работал во всех журналах. И оформлял книги Бориса Житкова, Новикова-Прибоя, еще других.

Ю.С.: То есть — он был художник?

Портрет отца, М.В. Голицына, 1980 год

М.Г.: Да. Конечно-конечно. Он был с детства... Рисовал, не переставая, с самого раннего детства. И его бабушка, жена Владимира Михайловича Голицына — она тоже хорошо рисовала и учила его. Первые шаги он делал с бабушкой.

Ю.С.: А какое-то художественное образование ему удалось получить?

М.Г.: Ну, какие там образования...

Ю.С.: Не брали? Ну, понятно.

М.Г.: Да. Ну, революция его застала в Епифани и потом в Богородицке. И он уже... ему пятнадцать — восемнадцать лет было, и он декорации в театры делал, в революцию «Окна РОСТА» выпускал, в Туле и в Богородицке. Потом завербовался в плавучий морской институт, в Архангельск. Плавал там на пароходах. Вот, у него масса есть акварелей той поры, которые в книге будут обязательно приведены. Записки очень интересные о путешествиях на Новую Землю. Они там прокладывали Северный морской путь. Вот, начало Северного морского пути на пароходе «Персей». Отец там начинал матросом.

Ю.С.: Это очень известное предприятие было.

М.Г.: Это Ленин организовал плавучий морской институт — Плавморнин. И для прокладки пути на восток. Вот там отец два с лишним года плавал. Потом вернулся — женился, в 23-м году! Родил троих — 24-й, 26-й и 28-й. Сестра Елена, я и брат Илларион, который на портрете тут изображен. Но он в 2007 году попал под машину, может, знаете.

Ю.С.: Да не то слово! Ужасно!

М.Г.: Да, вот такая несправедливость.

Ю.С.: На подъеме. Он всегда был такой... У меня стоит на книжной полке стоит буклетик его выставки. И я каждый день на него смотрю.

М.Г.: Да. Брат тоже — один из выдающихся культурных деятелей России. Он великолепно читал стихи. Знал массу стихов. И Северянина, и Ахматову, и Хлебникова... и кого только... и Пушкина, и Лермонтова читал, и Фета. Он энциклопедически знал стихи.

О С.Д. Шереметьеве и усадьбе в Михайловском

Ю.С.: А вот если чуть-чуть сейчас вернуться в детство... А мама кто была?

М.Г.: Мать наша была домохозяйка. Поначалу. Когда отца в 41-м году в последний раз арестовали, она пошла работать на торфоразработки в Дмитрове. Тут, под Дмитровом, Орудьевские торфоразработки были — там она работала. Потом, два или три года военных, она шила телогрейки и ватные штаны. Ей давали крой и вату. И я прострачивал полы, рукава прострачивал. Раскладывал вату, прострачивал на ножной машинке. Мать шивала все это, и мы сдавали, по несколько комплектов в день, этих телогреек.

Ю.С.: А как ее девичья фамилия?

М.Г.: Шереметьева. Она тоже интересное имеет... так сказать, если взглянуть назад. Здесь вот портрет у меня висит Сергея Дмитриевича Шереметьева, это ее дед. Выдающийся государственный деятель был. Очень культурный человек, и он очень беспокоился о наследии культурном России. Когда произошла революция, у него была охранный грамота от Ленина, которая была, естественно, ликвидирована в 24-м году. И он предложил всем, кто уезжал, кто не уезжал, всем дворянам, к нему на Воздвиженку приносить вещи, архивы, материалы разные. И он спас таким образом много архивных материалов русских дворян. Но он, очевидно, вовремя умер — в 18-м году.

Когда к нему пришел Петерс, знаменитый кремлевский этот тиран, арестовывать его, он уже лежал при смерти. Да. И когда вошли: «Оружие, — говорит, — есть?!» Он уже помирающим голосом говорит: «Какого века?»

А у него ведь на стене и турецкие ятаганы, и какие-то там еще были, и пищали... В 18-м году он скончался. Он интересен был еще тем, что он единственный из не царской семьи звал Николая на «ты». И звал его Ники. При Распутине он, указывая на Распутина, говорил Николаю: «Он тебя и Россию погубит!» Ну, что мы и получили, свидетели...

Ю.С.: Может быть, вам интересно... Я в прошлое воскресенье, мы ходили с женой и знакомыми в поход и попали в такое село — Чиркино. Это Ступинский район. Это первая вотчина Шереметьевых, где основоположник рода похоронен. Там две церкви. Но они были разрушены. Сейчас немножко восстанавливают. Но там есть тексты — можно прочесть, что, то ли при Иване Грозном, а может быть, даже раньше, первый Шереметьев получил это село. Стало его вотчиной, и он там похоронен.

М.Г.: Очень интересно. А я сейчас воюю за имение Шереметьевых. Это Михайловское, около Красной Пахры, в Подольском бывшем районе. Сейчас это Москва. Мы с супругой были... в санатории сердечном — ну, и в ужасном виде дворец! Великолепный дворец Шереметьевский, Сергея Дмитриевича, который был и музеем, и был, вообще, примером... Вся усадьба Шереметьевых была примером и ведения сельского хозяйства, и... Ну, в общем, образцовое было имение. И вот, я Путину написал, что, ну, нельзя так относиться к родным ценностям. И, в общем, сейчас закрутилось это дело.

Ю.С.: Какой-то ответ был?

М.Г.: Да, конечно. Сразу тут Министерство культуры и все эти... Понимаете, ни дворец, ни дворцовые особняки рядом, где жили дети, девочки и мальчики Шереметьевы — все это памятники архитектуры — они даже не числились толком нигде. Хотя это союзного значения, или российского сейчас, государственного значения, как мне ответили. И сейчас заставили владельцев... Сейчас же все частники!

Ю.С.: Ну, да.

М.Г.: Какие-то чечены — или не чечены — владеют... Частники обязаны привести в порядок все это хозяйство. А там и во время войны было... и госпитали, и потом... Министерство угля, кстати, там было. И еще какие-то учреждения. А потом, в 90-е годы уже... 99-го года есть великолепный снимок полного дворца. Покрашенный. А потом начали громить. Вот там, видно эти... Снимки...

Ю.С.: Ну, вот. В хорошем состоянии, да. 89-й год. Да.

М.Г.: Вот. А сейчас в каком виде! У меня там сзади есть эти, этюды я там писал... в ужасном виде дворец сегодня. Хотя уже какие-то шаги начали делать. Крышу покрыли. И окна затянули.

Ю.С.: Даже крыши и окон не было?!

М.Г.: Да все разорено было! Там будто бы искали клады. Тракторами там разворачивали. В общем, чего только не выделывали! Обдирали изразцы печей — голубые, уникальные изразцы — обдирали всё.

Ю.С.: Ужас!

Михайловское. Фасад усадебного дома, 2011 год

М.Г.: Ужас, да. Но сейчас, вот, есть надежда. Сейчас как-то немножко повернулось, и правительство вспомнило, что все-таки есть какие-то ценности, созданные народом, которые надо беречь. Ну, я написал, что Останкино — шереметьевское, Кусково — шереметьевское, Остафьево — шереметьевское, Введенское, рядом со Звенигородом, в великолепном состоянии содержатся. Почему это вот Михайловское в таком заброшенном виде? Ну, и сейчас закрутилось, и я надеюсь уже поехать туда... вернее, дожить до того, когда дворец будет восстановлен.

Учеба в школе и трех институтах

Ю.С.: Вернемся немного в детство. Все-таки вы такие княжата были... В то время жить было очень сложно. А как учились? В школу взяли? Или как вообще? Что с этим было?

М.Г.: Ну что — мы в школе учились, в нормальной.

Ю.С.: Ну, приняли? Нормально? В школу?

М.Г.: Нормальные школы в Дмитрове были. Мы окончили эти школы. Правда, я с восьмого класса уехал на подготовительное отделение в Нефтяной институт, и уже в школе не учился. А так мы многие годы на вечер встречи, в последнюю субботу января, с супругой ездили. Многие годы.

Ю.С.: То есть отношения с классом остались какие-то?

М.Г.: Да. И у нас много там знакомых было. И сейчас остались знакомые. Но мы после окончания института, уехали с семьей на двадцать пять лет в Казахстан, в Караганду. И кстати, вот там знаменитая Дóлинка, ударение не Долúнка, а Дóлинка. Центр Карлага был. А наша экспедиция геологическая была в четырех километрах, рядом.

Мы ходили в Дóлинку за хлебом, обычно там пекли хороший хлеб, в Карлаге. И кругом лагеря были. Мы в 50-м году туда приехали. И вот до 55-го — 54-го — выйдешь вечером из дома — и кругом огни, одни лагеря!

Ю.С.: Ну, тогда надо вернуться на шаг раньше. Сам институт, поступление, как вы его выбрали, почему этот институт? Как удалось поступить? Как учились?

М.Г.: Поступил я легко. А почему я выбрал геологический? Во время строительства канала геологом работала моя тетушка, сестра отца, Мария Михайловна Веселовская, будущий профессор, доктор наук и так далее. А тогда она документировала это ложе у канала, бурили скважины под канал. А я сопровождал ее с рюкзаком. Они отбирали образцы пород, образцы окаменелостей, фауну, флору и так далее, и я пристрастился немного к познанию земных недр. У меня было, правда, три института. Я лес люблю, и до сих пор люблю, я хотел в Лесной идти, хотел в Иностранных языков идти. Мы учили с дедушкой до войны французский и английский, а в школе — немецкий. И я потом поступил на заочные курсы иныа, уже когда в Москву приехал в институт, на подготовительное отделение, два курса кончил, потом не потянул я уже иностранный и не иностранный.

Ю.С.: Но язык как-то знали все-таки, да?

М.Г.: Ну, в общем... Геологическую часть, в общем, по специальности я уже больше... Правда, на свадьбе сына, в Лондоне, я речь произносил на английском языке экспромтом.

Ю.С.: О!

М.Г.: А отец, отец невесты или будущей жены Андрея, моего сына, Джон Мид, он по бумажке выступал. А я сказал: «Excuse me please! I... потерял my paper...

Ю.С.: I have lost. Да.

М.Г.: Да. В общем, я так это, в шутку. Они говорят: «Вы так ничего, в общем».

Ю.С.: Ну, вот эти годы института. Поступили. Все-таки туда брали детей-то, прошу прощения, репрессированных? Вы в каком году в институт поступили?

М.Г.: В 43-м.

Ю.С.: В войну в самую.

М.Г.: Да. Я в трех институтах учился. Из Нефтяного я перешел в Горный, а потом всех геологов из Горного перевели в Геологоразведочный, который сейчас Музей Академии наук геологический, на Моховой.

Ю.С.: Да-да.

М.Г.: Вот там кончал я.

Ю.С.: МГРИ.

М.Г.: МГРИ, да. Кончал МГРИ. Но практически не было такого давления. Хотя по политэкономии я знал, что к князю будут придирааться, конечно. Я выучил все эти идиотские труды (*смеясь*). Не то что наизусть, но, в общем... А экзаменатор начал: «А вы знаете, что Голицын ваш проиграл, эту самую, Крымскую

войну?» Я говорю: «Знаю. Но он много сделал и доброго для России, и был одним из руководителей государства в те времена, при Софье». Ну и так далее... В общем, за меня группа вся болела. И все-таки четверку мне поставили. Но самое интересное, что когда начались 50-е годы — арестовали всех этих тиранов во главе с заведующей кафедрой, я не буду называть её фамилии, бог с ней. Женщина красивая была, но...

Ю.С.: В МГРИ?

М.Г.: Да.

Ю.С.: Странно. Я не слышал. То есть «Дело геологов» я знаю. Но это совсем другое — Крейтер, Барышев... ну ладно. А кого-то из преподавателей помните добром?

М.Г.: Фу! Я всех помню!

Ю.С.: Ну вот, вспомните.

М.Г.: У нас великолепные были преподаватели. У меня в воспоминаниях все это, все описаны.

Ю.С.: Одно дело — книжка, а другое дело — речь! Слова!

М.Г.: Потрясающие были. Один из руководителей — профессор Гапеев был, который Караганду в 20-е годы открыл, можно сказать, и до ума довел. И он мне посоветовал, кстати, туда ехать работать.

Ю.С.: А как вы попали на угольную специальность? Все-таки это такая была...

М.Г.: Еще раз говорю, я из Нефтяного перешел в Горный. А Горный — это был угольный практически.

Ю.С.: Понятно.

М.Г.: Рудные там были, но главный был уголь.

Осень 1943 г. Переводы из одного института в другой

Ю.С.: А почему переходили из одного в другой? Почему приходилось переходить?

М.Г.: Ну, первую зиму — это война.

Портрет Цецилии Львовны Мансуровой-Шереметьевой (1897-1976), 1985 год

Ю.С.: Не кормили просто?

М.Г.: Нет, там очень холодно было. Это Ленинский проспект, дом шесть. Горный институт.

Ю.С.: Да. Я знаю.

М.Г.: А левое крыло — это Нефтяной был. И там во время войны то ли бомба, то ли, говорят, там мины готовили в подвале. В общем, крыло взлетело на воздух. Левое крыло, если смотреть на Горный институт.

Ю.С.: Да.

М.Г.: Вот левое крыло — не было его. И холодно было в институте, и нас, когда мы поступили в октябре 43-го года, послали, вместо того чтобы учиться, послали на Оку, под Алексин, заготавливать дрова. И мы двадцать дней таскали бревна, эти чурбаки двухметровые, по двое, на плечах, по скользкому окскому берегу, стаскивали на баржу, грузили. И потом топили всю зиму дровами. Газа не было. Угля тоже не было. Донбасс был оккупирован.

Но самое интересное, когда нас туда привезли, на двадцать дней, нам сказали, что следом придет машина с продуктами, которые (мы сдали карточки) отоварят карточки. И двенадцать дней не было этой машины! И мы ходили по уже вскопанным картофельным полям, выбирали оставшиеся картофелины, жгли костры и очень весело себя вели.

А потом в деревне, где мы базировались, люди же были. И вот бабки — кто яичко принесет, кто молочка, кто хлебушка кусочек, кто еще чего... А потом, когда все-таки машина пришла — с колбасой, сыром, маслом — мы такой пир закатали! Но вот такое отношение свинское, — не знаю я даже, наказали кого — не наказали... Но так, конечно, нельзя! Мы и так тощие были — 43-й год, господи! Но такие памятные очень... Ну, я говорю, мы там песни пели! Молодые были! Господи, помилуй! И девчонки были с нами, и мальчишки были. Это был 43-й, осень. Незабываемый год.

Ю.С.: Это в Нефтяном? Или уже в Горном?

М.Г.: Нет-нет-нет. В Нефтяном мы осень были. А я зимой перешел в Горный. А я уже говорил, что из Горного всех геологов перевели во МГРИ.

Ю.С.: А, просто перевели?

М.Г.: Да. Просто геологов несколько групп перевели во МГРИ. И потом мы уехали, добровольно, подчеркиваю, с супругой, с малым сыном уже, и с тещей.

О преподавателях, поступлении и учебе в институте

Ю.С.: Нет. До этого еще надо дойти. Все-таки немножко... Гапеев. Ну, Гапеев, я только по портрету. Наверно, уже Кравцов был?

М.Г.: Я могу про всех.

Ю.С.: Ну, расскажите! Это же интересно! Это же живые впечатления! Кто еще вспомнит?

М.Г.: Ну, во-первых, конечно, это Александр Александрович Гапеев. Это — революционер. Человек учился десять лет. Его все выгоняли из Горного ленинградского института за революционную деятельность. Он великолепный преподаватель был. Мы заслушивались его лекциями. Он вел предмет, но примерно половину времени рассказывал о своих геологических путешествиях по всей России, по Сибири, по Казахстану и так далее. Любопытно, я совсем недавно узнал, что Сталин, когда вернулся из очередной ссылки, до революции еще... пришел к Калинин в Ленинграде (*Петербурге — прим. ред.*), поест попросил. А у Калинина тоже не было, видно, особо ничего. В общем, он его не накормил. А Калинин говорит: «Вот есть революционер тут еще, Гапеев». Сталин пошел к Гапееву. Гапеев его накормил, Иосифа Виссарионовича, и уже потом, уже где-то, видно, в начале 50-х годов, Гапеева вызвали в Кремль, и Сталин беседовал с ним долго, вспоминал эти дореволюционные годы...

Ю.С.: Может быть, поэтому и цел остался?

М.Г.: Да, очень интересные... Но опять-таки, если про Гапеева продолжить... Я про него много написал. Когда писал, я поднял архивы в МГРИ и натолкнулся на такую вещь: профессору, орденоносцу, которого весь мир знает, вдруг — выговор! Я думаю: «Что такое?» А выговор — за отсутствие на защите дипломов, каких-то дипломов. А потом следующий лист — объяснительная записка Гапеева директору. Котлов был, Федор... не помню отчества. Объяснительная: «У меня допуска не было! Меня лишили допуска! И поэтому я не был на защите секретных дипломов!»

Ю.С.: Понятно.

М.Г.: Вот такая деталь. У Сталина до этого, после этого был — не знаю я.

Ю.С.: Прошу прощения, а о Лутугине вам ничего не говорил, не рассказывал Гапеев?

М.Г.: Нет.

Ю.С.: Замечательный же был совершенно угольщик в Донбассе.

М.Г.: Нет. Он обо всей плеяде рассказывал.

Ю.С.: И тоже революционер.

М.Г.: Кроме Лутугина он, конечно, рассказывал. В 15-м году Лутугин умер, возглавлял геологические съемки Кузбасса, Донбасса, Караганды, Печоры, уральских месторождений. В общем, он был в Геолкоме — главный угольщик страны. А потом одним из самых главных геологов-угольщиков был гидрогеолог Павел Ильич Бутов.

Ю.С.: Не слышал даже!

М.Г.: Который загремел в 37-м году. Вслед за ним загремели сыновья его.

Ю.С.: Это из МГРИ он был?

М.Г.: Нет. Он был в Ленинградском горном институте, профессор.

Ю.С.: А, понятно.

М.Г.: Загремел и там погиб. У меня фотографии есть его. А я был знаком с сыном и дочерью Павла Ильича.

 А сын его, Пал Палыч, в семнадцать лет, после окончания десятого класса, поехал в 37-м году отдохнуть на Черное море. Где-то в Сочи его сняли с поезда, и очнулся он в Магадане. Семнадцатилетний мальчишка.

Он, значит, вешался несколько раз на чердаке. Снимали. Потом, санитаром когда работал, он ножом трупным ядом себе... Шрамы у него до сих пор были, порезанные. Тоже выжил. И потом он приехал в Караганду. Он у меня в экспедиции работал, Пал Палыч Бутов. Причем все стены его небольшой комнаты были в книгах. И он всю жизнь, кроме работы, читал, читал, покупал книги.

Ю.С.: Он был рабочий? Техник?

М.Г.: Да. Он техником был. Геологом. Он у нас документировал шахты. Документировал скважины. И был высококультурный человек, несмотря на то, что с 37-го по 47-й он был в Магадане.

Ю.С.: Прошу прощения... в 43-м году МГРИ, он что, вернулся в Москву разве?

М.Г.: Из Караганды Пал Палыч уехал, когда эти все реабилитации кончились. Он работал в Средней Азии, с супругой. У него супруга была, Юлия Петровна Бутова, выдающийся геолог, она, знаете, разведывала все месторождения Казахстана и Средней Азии. Они там жили. А потом они переехали в Семилуки, под Воронеж, дочка их, старшая дочка, Марина... переманила их туда. И они умерли оба не так уж давно.

Ю.С.: А вот я хочу спросить, забыл. Ведь вы во МГРИ поступили в 43-м?

М.Г.: Нет. Я поступил в Нефтяной. 43-й. С восьмью классами.

Ю.С.: Вот как это можно было, с восьмью классами?

М.Г.: А это... очень просто. В институтах выбиты были все старшие курсы на фронте, и Сталин дал указание принимать с восемью классами и с девятью, чтобы быстро брешь эту заполнить. И тогда дали брони Горному, Институту стали, Авиационному, Лесотехническому, ну и многим вузам дали брони. А ведь в 44-м году меня обрили (26-й год — восемнадцать лет), отобрали карточки, оформили, отоварили на месяц продукты. Паспорт отобрали, понятно. И я готов был, куда пошлют. А потом Сталин дал указание прекратить эту мясорубку, и молодежь, многие, — мы окончили. Хотя многие наши сверстники, не институтские, погибли — 26-й, 24-й, 25-й год, 27-й год. Погибли.

Ю.С.: А скажите, как же вы после восьмого класса, поступив в 43-м, как вы эти предметы вытащили: математика, физика?

М.Г.: Мы же не в институт поступили, а на подготовительное отделение, где проходили многие предметы.

Ю.С.: И там все это прошли? То есть сначала было подготовительное?

М.Г.: И мы, помню, семнадцать экзаменов сдавали. С 44-го на 45-й год. Семнадцать экзаменов. Одиннадцать за десятый класс, за девятый и десятый класс, и шесть вступительных. Семнадцать экзаменов мы сдавали!

Ю.С.: Шесть вступительных?

М.Г.: Шесть вступительных, да.

Ю.С.: Понятно. Ну, а когда уже учились, в МГРИ. МГРИ вернулся в Москву после эвакуации?

М.Г.: Да!

Ю.С.: Уже, вот, в этом здании, там, на Охотном...

М.Г.: Да, около гостиницы «Националь». Около бывшего американского посольства.

Ю.С.: А в каком году вы кончили?

М.Г.: Я в 51-м году кончил.

Ю.С.: Ну, тогда вы попали в очень интересный период. После войны в МГРИ были блестящие геологи.

М.Г.: Ну, там масса была геологов!

Ю.С.: Какого-нибудь вспомните, кроме Гапеева. Ведь интересно!

М.Г.: Ну, Алексей Алексеевич Богданов. Потом он перешел уже в университет.

Ю.С.: Новое здание когда...

М.Г.: Да. Крейтер, знаменитый. Тоже он сидел.

Ю.С.: Вы его помните немножко? У меня вот такая книжка его толстая. И у нас преподавала его жена, Дина Самойловна. Трагическая фигура, крупный человек был. Он у вас что-нибудь вел? Помните что-нибудь?

М.Г.: Нет, у нас... Мы же были угольщики. У нас Евгений Евгеньевич Захаров был, читал полезные ископаемые.

Ю.С.: Это я помню. Он у нас тоже преподавал.

М.Г.: Сергей Дмитриевич Четвериков читал петрографию.

Ю.С.: Это очень крупное имя! Что-нибудь помните о нем?

М.Г.: Ну, что я помню?! Что он великолепно читал, он был очень четкий такой. Английского вида. Нос у него был с горбинкой. Седая шевелюра. И очень он четко все рассказывал нам, все породы.

Ю.С.: Строгий он был?

М.Г.: Да! Строгий. Потом Борис Иванович Воздвиженский. Бурением занимался.

Ю.С.: Такой бегемот!

М.Г.: Да! Причем рассказывали, что первый час он читал так, серьезно. А второй час, после того, как «заправится», читал уже бойко. Все страшно его любили. Потом был, горными работами ведал, Николай Михайлович (*правильно: Иванович — прим. ред.*) Куличихин, добрейший человек.

Ю.С.: Ну, тоже имя знаю хорошо.

М.Г.: Николай Михайлович Куличихин. Потом, конечно, Шатский Николай Сергеевич. Он великолепно экзамены принимал.

Ю.С.: А что-нибудь вы его слушали?

М.Г.: Нет. Нам геотектонику читал Муратов Михаил Владимирович, тоже выдающийся человек. А экзамены принимали Муратов и Шатский.

Ю.С.: Понятно.

М.Г.: И я попал к Шатскому.

Ю.С.: Как сдали?

Подработки в студенческие годы

М.Г.: Пятерку получил! Я должен сознаться, что первые два курса у меня были одни тройки. Ну, по разным причинам. И общая подготовка, конечно, может у меня... Потом я время определенное уделял...

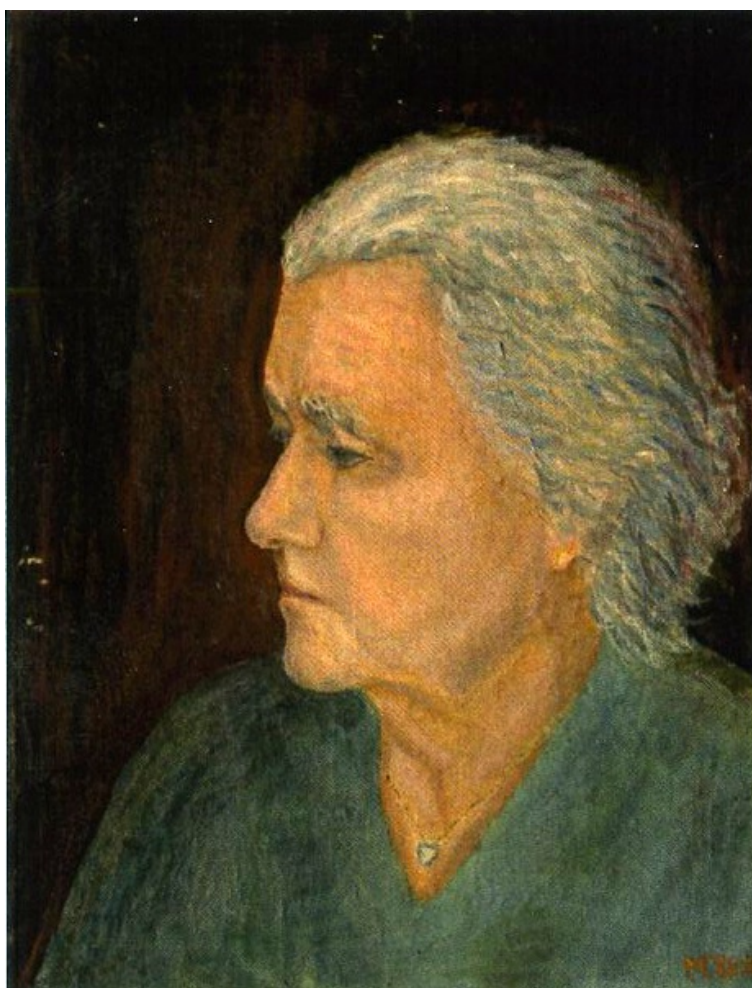

Покупал кирзовые сапоги, пять пар, и вез их за сто километров от Москвы, продавал в три раза дороже.

Ю.С.: Ну, чтобы жить можно было.

М.Г.: Потом из экспедиции семечки мешками привозил. С Кавказа. Я практики на Кавказе проходил. Семечки мешками привозил, продавал этим базарным торговцам. Опять калым какой-то имел. В общем, я отвлекался.

Ю.С.: А жили в общежитии?

Портрет матери, Е.П. Голицыной

М.Г.: Я жил не в общежитии. Я был у своей тетушки, которой, вот портрет, внизу. Это Цецилия Львовна Мансурова, артистка Вахтанговского театра. Народная артистка, кстати. Она жена была брата моей матери, Николая Петровича Шереметьева. Вот он там, с края, левый внизу. Они меня приютили. И я у них жил. Но все равно, война была, и им тоже было невесело.

Ю.С.: Ну, в общем, подрабатывали так.

М.Г.: Да. Потом я плакаты писал: «Да здравствует!..» На красном полотнище. Не знаю, можно это рассказывать или нет?

Ю.С.: А как же не можно?

М.Г.: Ну, сейчас, наверно, можно.

Ю.С.: Да можно.

М.Г.: И почему я с вами сейчас разговариваю — я не могу объяснить. В общем, был у меня друг, Сергей Владимирович Трубецкой, мой ровесник. Это из тех Трубецких, которых почти всех повыбили, как вы знаете, наверное.

Ю.С.: Я его сына немного знаю. Это Трубецкой, который биолог?

М.Г.: Да-да-да. Так вот. Сергей был настройщиком роялей. Причем Рихтеру настраивал и многим. Да. В общем, у него абсолютный слух был. Но, точнее говоря, звонит мне Сергей: «Халтура есть». Я говорю:

«Где? Куда? Чего?» Он говорит: «Поезжай в Музей революции. Там надо написать плакат „Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!“ Заплатят, — говорит, — хорошо». Я приехал. Расстелил длинное-длинное полотнище красное, вскипятил воду, поставил водяную баню со столярным клеем. Ну, я уже не первый раз это делал... Заварил клей, мел закрутил, влил туда, в это ведерко, и написал плакат: «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!»

Ю.С.: И подписался — князь Голицын. (*Смеясь*)

М.Г.: Да. Теперь, повесили этот плакат на улице. На следующий день Серега мне звонит: «Михаил! Поезжай к этому самому Музею революции!» Я приехал и окаменел. Это был какой-то, наверное, 46-й год, может быть, 47-й. Окаменел. Прошел дождь, и все буквы потекли. Как получилось?! То ли столярный клей неправильный, то ли я вместе с клеем вылил из ведра часть воды в мел. Не знаю. Но, во всяком случае, я Серегу спрашиваю: «Ты фамилию мою назвал?» — «Нет», — говорит. Я бежал в сторону Пушкинской площади, набирая скорость. (*Смеясь.*)

Ю.С.: Ужас!

М.Г.: Понимаете, если бы... Только что отец в лагере помер... И этот гад на Музее Революции вытворяет такую вещь! Откуда седые волосы!

Студенческие практики

Ю.С.: А про практики что-нибудь можете вспомнить?

М.Г.: У меня были великолепные четыре года практик. Вернее, три года на Кавказе, и одна практика была в Донбассе и последняя, пятая, была в Караганде. Вот почему я в Караганду уже и попал. А так я был на съемке, три года, по всему Северному Кавказу, от Краснодара до Нальчика. Была экспедиция послевоенная — Кавказская комплексная экспедиция, которая всю эту полосу на съемку... съемку вела. И отряды поисковые, там, марганец, уголь, еще какие-то.

Ю.С.: А кто там был из геологов? Кизевальтер, нет?

М.Г.: Там, значит, возглавлял сначала Пустовалов Леонид Васильевич, великий литолог. А потом Сергей Сергеевич Кузнецов, профессор Ленинградского университета.

Ю.С.: Это же были... Пустовалов — Нефтяной институт, а вы — МГРИ. Как вы туда попали?

М.Г.: Не знаю. По-моему, через Марью Михайловну, тетушку, которая знала Сергея Сергеевича. Ну, в общем, как-то мы связались. 45-й, 46-й, 47-й, 48-й — ездил туда.

Ю.С.: А Пустовалов в поле приезжал? Видели его в поле?

М.Г.: Фу! Я был у него коллектором!

Ю.С.: Расскажите!

М.Г.: Хм... А что я?

” В каждой станице я обязан был купить семечек, мешочек из-под образцов. И все время ходить за Пустоваловым с этим мешочком. Он так протягивал руку, не глядя. Вот, поэтому мне платили шестьсот рублей, плюс сто двадцать процентов полевых! Ну, это я смеюсь!

Я одно время был в литологическом отряде, в марганцевом, а шефом был как раз Пустовалов. Вот я с ним одно лето, не полностью, ходил в качестве Санчо Панса, оруженосца... семечконосца. (*Смеются.*) Вот.

А Сергей Сергеевич Кузнецов, замечательный, с нами все маршруты делал и показывал все породы, все контакты, там, фауны. Он великолепно знал разрез. И геологом я во многом стал вот там уже.

Ю.С.: Уже на практиках что-то почувствовали, да?

М.Г.: Да-да-да. На марганцевом месторождении трехметровый пласт такой иссиня-черный, как рельса стальная. И до сих пор помню все минералы: пиролюзит, браусманит (*скорее всего, имеется в виду браунит — прим. ред.*), гаусманит, вад, псиломелан — марганцевые минералы — с 45-го года. Больше я не касался их, а вот в башке все эти [названия остались]. И сейчас у меня там зять, в том районе, занимается заготовкой леса для скрипок, гитар, для музыкальных инструментов... ель, специальная ель, кавказская. И там база у него в Мостовской станице, где я начинал первые, в 45-м году, свои шаги. И я ему говорю, давай вернемся к этому месторождению, оно в овраге, три метра марганца выходит. А сейчас у нас отобрали Чиатуры — грузины, ушли в Казахстан Джебды. Нету. И Мариуполь.

Ю.С.: Ну, тоже Украина.

М.Г.: Нету у нас марганца. Нету! А это же без марганца — стали нет! Покупаем за границей. Вот надо раскопегарить то месторождение и посмотреть, что получится.

Ю.С.: Интересно. Ну, три практики на Кавказе, а потом, вы сказали, одна была...

М.Г.: А потом в Донбассе была, шахтерская: мы полтора месяца в шахтах работали.

Ю.С.: Ну, то есть уже геологом, наверное? Описывали все?

М.Г.: Не-не-не. Мы там самые чернорабочие были! Кто на проходке горных выработок... Я был в механизации. Транспортеры всякие монтировали. Ну, в общем, не геология. Хотя мы, конечно, видели пласты.

Ю.С.: А дипломная практика?

М.Г.: А дипломную практику я поехал на Кавказ. Фу, в Караганду! Да! Гапеев мне посоветовал, и я до сих пор ему благодарен, лучшей практики мне трудно было придумать. Дело в том, что геологов-то мало было. И то техники возглавляли экспедиции, то еще кто. Ну, в общем, мне поручили участок и разведку вести, и отчет написать, и подсчитать запасы.

Ю.С.: То есть уже весь цикл.

М.Г.: И, точнее говоря, у меня была камералка. Отстроили все разрезы, отстроили подсчетные планы, подсчитали запасы. И оценили участок. А участок попался страшно сложный. На юге Караганды — там такая тектоника дикая! И там можно было несколько вариантов увязки этих пластов, то с разрывами, то со складками. В общем, я разбирался с фауной, с фаунистическими горизонтами, чтобы правильно увязать пласты. И, в общем, это такая практика была. В книге все это издано.

Ю.С.: Даже опубликовано потом было?

М.Г.: Да. И было там даже написано, что помогала строить разрезы Тамара Павловна Голицына. Она у меня коллектором была.

Ю.С.: А, уже познакомились в это время?

М.Г.: Мы туда... Я же говорю, я с семьей приехал.

Ю.С.: Это было на практике?

М.Г.: На практике. На практику мы женатые поехали. Это был 50-й год. Отрывной февральский листочек, я вам показывал.

Ю.С.: Ну, а познакомились?

М.Г.: А мы в школе учились.

Ю.С.: В школе? В Дмитрове что ли?

М.Г.: Да.

Ю.С.: Вот с тех пор?

М.Г.: С тех. *(Смеется.)* Скоро сто лет будет, как мы знакомы!*(Смеется.)*

Работа и жизнь в Казахстане

Ю.С.: Вот это да! Ну, хорошо! Где жили-то? Поехали работать по распределению или как? Или сами выбрали?

М.Г.: Нет. Я сам поехал. Я был на практике, а потом попросился туда же. И не жалею...

Поехал на три года, а потом двадцать пять мы там отжили очень даже хорошо. А приехали, я говорил, с тещей, с сыном полуторамесячным и с женой. И нам дали в саманном домике комнату с земляным полом...

Там двухквартирные дома такие, кухня и комната, кухня и комната. Потом я пристроил комнату, еще одну, побольше, уже двое детей стало. Настелили полы. И саманные...

Ю.С.: Это все в Долинке было?

М.Г.: Да. В общем, я достал самана... Построили уже двухкомнатную, две комнаты у нас.

Ю.С.: Научились строить?

М.Г.: Тепло. Летом не жарко, зимой тепло. Топили нашим углем. Мы проходили шахты и добывали сами уголь.

Ю.С.: Вы были рудничный геолог или кто?

М.Г.: Я был сначала участковый геолог. И разведывал шахтные поля. Через год, старшим геологом стал, потом стал главным геологом экспедиции. У нас было тридцать шесть станков. Проходили шахты. В общем, работы было много. Мы проходили стволы, штреки, восстающие, квершлаг и так далее. Все эти выработки, а добычу вели заключенные ночью. Мы договорились с Карлагом, у нас была договоренность: мы их пускаем в шахту, подготовленную к добыче, а они половину добычи — нам. И они довольны, поскольку там леса нет, это Карлаг.

Ю.С.: Ну да.

М.Г.: Степь. Пустыня. И карлаговцы были довольны, и мы были довольны. Вечером смена приезжает — эти бедные заключенные... Но, понимаете, вокруг Караганды были страшные лагеря: Спасский лагерь знаменитый. Не говоря о балхашских и джезказганских. А в районе самой Караганды были так называемые схосы. Что такое схос? Сельскохозяйственная опытная станция. Схос. И там были — скот, там были поля, там были, в общем, сельскохозяйственные...

Ю.С.: Ну, это тоже лагерные?

М.Г.: Все — Карлаг! Все — Карлаг. Причем все долины вокруг были подпружены. И весной собирали водохранилище, а в нижнем бьефе огороды все. Через двести пятьдесят метров — квадраты тополей.

Много таких клеток. Все это снабжалось водой. Триста пять дней солнца и вода. Великолепнейшие урожаи! Там баснословные... в 50-е годы стоило все пятьдесят копеек (я получал две тысячи рублей, геолог), пятьдесят копеек килограмм картошки, капусты, морковки, огурчики и так далее и так далее. И пять рублей малина, клубника, смородина, яблоки, груши. Пять рублей.

Ю.С.: Ну, знаете, я там работал на практике. И жена у меня в Казахстане долго работала. Климат же ужасный! Жара! Как вы выносили?

М.Г.: Но там сухая жара!

Ю.С.: Ну, сухая.

М.Г.: Ну, мы маршруты ходили везде.

Ю.С.: Ну, хорошо. Дети маленькие! Жена!

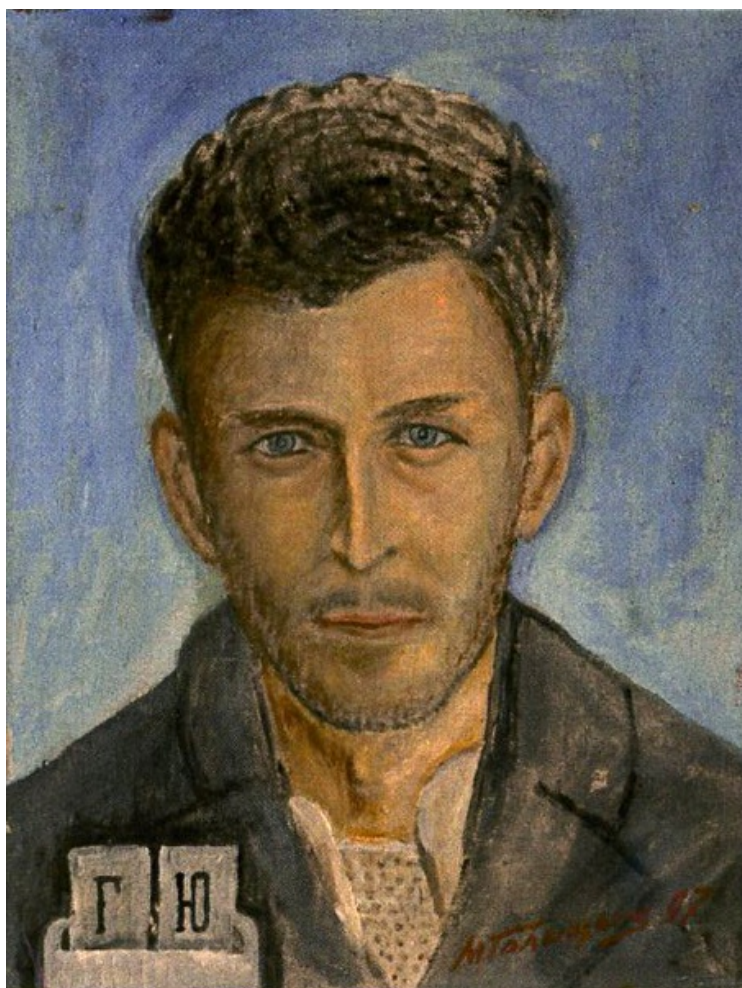
М.Г.: А вот с ними очень даже хорошо! В Караганде, например, у нас пруд был. Так называемый «зеленьтрест», посаженный лес. Буквально в Караганде.

Ю.С.: То есть они себя нормально чувствовали?

М.Г.: Да нормально все!

” А зимой мы знаете, как жили с ребятами? Очень даже. Мы вставляли в половине седьмого (ребятам было десять, восемь, двенадцать лет, вот в эти годы), вставляли в половине седьмого, рожки чуть-чуть умывали, становились на лыжи. В рюкзак я брал три пары коньков. Мы километр на лыжах ехали по бульвару до «зеленьтреста», там на озере каток. Переобувались. Пятнадцать минут катались в темноте полной. Потом надевали лыжи, возвращались, завтракали. Они — в школу, я — на работу. У меня снимки есть, в снежки играют в трусах ребята, понимаете?

Ю.С.: Вот вы уже были геолог, старший геолог. Дальше, вы сказали, еще выше. Но вам же приходилось людей выбирать? Геологов приглашать. Ехали туда люди работать?

Арестант Г.Ю. Портрет отца, В.М. Голицына

М.Г.: Ну, присылали.

Ю.С.: Присылали?

М.Г.: И у нас все время поступали геологи. Тогда же, понимаете, огромный подъем был после войны. И к нам туда специалисты из Ленинграда, из Киева, из Львова, из Свердловска, из Томска [приезжали]. В Казахстане ведь богатейшие...

Ю.С.: Я и хочу спросить, какая атмосфера была? Кто приезжал?

О научной работе и геохимической партии

М.Г.: Потрясающие ребята приезжали! До сих пор мы в дружбе. Уже по семьдесят лет многим моим, которые у меня работали... А потом я уголь оставил. На пятьдесят процентов, правда. Меня назначили главным инженером геохимической экспедиции. И я стал заниматься не только углем, хотя углем продолжал, уже занимался науками. Закономерностями распределения разных минералов, разных руд по месторождениям.

Ю.С.: Какие-нибудь редкие элементы, германий там?

М.Г.: Да. Я германием очень даже занимался! Да. В частности, в углях. И доклад делал в 55-м году. Здесь, в Москве, в Министерстве геологии, про германий... И я занялся составлением монографии. Вышел

двухтомник «Геология угольных месторождений Казахстана». Два тома, куда вошли многие мои работы, начиная со студенческих лет. Потом мы подсчет запасов провели, разработали методику подсчета запасов не только у поверхности, но и на глубоких горизонтах. Выяснили закономерности изменения качества углей с глубиной. Как влияет температура, как влияют какие-то там динамические напряжения. В общем, написал две диссертации: сначала кандидатскую, потом докторскую.

Ю.С.: Редко кто из производственных геологов вот так попадает. Редко кто находит время, силы, желание писать статьи. Все отчеты защищают, и этим, в общем, удовлетворяются. А когда вы стали что-то писать? Может, в Москве с кем-то связь была — или сами по себе? Кто вас к этому толкал? Голова?

М.Г.: Ну, в основном голова. Я всегда интересовался не только Карагандой, я знал и Кузбасс, знал Донбасс, я знал практически все бассейны России. Я читал журналы. Читал труды.

Ю.С.: То есть выписывать можно было там?

М.Г.: Да-да.

Ю.С.: Просто интересно, какая была атмосфера в партии, в управлении? Народ интересовался наукой?

М.Г.: Вот у нас геохимическая экспедиция была. Практически это небольшой институт. Там было триста пятьдесят человек.

Ю.С.: Громадная.

М.Г.: Было семь лабораторий: минералогическая, спектральная, петрографическая, физмех, и так далее... Газовая.

Ю.С.: И вы этим заведовали?

М.Г.: Да. У нас практически был институт. И денег на нас не жалели.

Ю.С.: А подо что деньги давали?

М.Г.: Ну, у нас

” микроскопом парень один открыл месторождение новое, Бестобе, и окупил этим месторождением все содержание нашей геохимической партии.

Ю.С.: А что это за месторождение было? Уран?

М.Г.: Бестобе — медь! Которая ценная. А потом у нас были палеонтологи, были петрографы, лаборатории, которые получали заказы от съемщиков, от разведочных экспедиций. Им привозили образцы, они определяли, им платили деньги. У нас были все лаборатории на финансировании на своем. А были темы. Два десятка тем. Гранитоиды какие-то там, вторичные кварциты с молибденом...

Ю.С.: А вот вы как завлаб в какую сторону это все хотели...

М.Г.: Я все время все-таки угольщиком оставался, и я за это время написал двухтомную монографию.

Ю.С.: Это кандидатская была?

М.Г.: Да.

Ю.С.: Так это уже больше, чем кандидатская. А где вы ее защищали?

М.Г.: Первую я в Алма-Ате защищал. А вторую — в Ленинграде.

Ю.С.: Кандидатскую — в Алма-Ате?

М.Г.: Да.

Ю.С.: Понятно. А докторская была чему посвящена?

М.Г.: Закономерностям метаморфизма углей Казахстана. В какие периоды какие были условия для катагенеза, метаморфизма. И все месторождения описаны. И закономерности изменения качества. В общем, подробно каждое месторождение описано и закономерности общие. Зоны таких-то углей, зоны таких-то углей, ну, и так далее.

Ю.С.: Но вас уже в Москве знали? В Москву приезжали?

М.Г.: Я посылал статьи в «Советскую геологию», в «Известия Академии наук». Вассоевич... Может, вы фамилию [слышали].

Ю.С.: Да, конечно: Николай Брониславович Вассоевич.

М.Г.: Он мои идеи докторские, бредовые, одобрил.

Ю.С.: Одобрил?!

М.Г.: Да-да. В общем, он поддержал меня здорово. А в Ленинграде был Георгий Александрович Иванов, который сказал: «Михаил, ты нашел жемчужное зерно!» Я вывел формулу. В общем, с химией с какой-то много я времени потратил. Процесс метаморфизма и все внутренние реакции внутри угля, какие происходят, что теряется, какие-то элементы уходят, какие-то приходят, почему это происходит — вот это я формулу такую вывел.

Ю.С.: Она принята была?

М.Г.: Да, есть в энциклопедии.

Ю.С.: То есть, пользуются ею?

М.Г.: Сейчас даже не знаю. Но, во всяком случае, она была одним из пунктов докторской моей... которую поддержали люди.

Ю.С.: Вы в Казахстане, до какого года вот так вот...

М.Г.: До 75-го. С 50-го по 75-й.

Ю.С.: И вы там в последние годы были в должности заведующего этой геохимической...

М.Г.: Да. И это мне очень помогло, расширило кругозор.

Ю.С.: А какие-нибудь еще у вас сотрудники, молодые ребята, защищались?

М.Г.: Ну, человек десять кандидатов наук оттуда. А докторов — двое только, я и еще Вячеслав Серых — по гранитам. Двое только докторов, к сожалению.

Ю.С.: Но кандидатов все-таки много.

М.Г.: А десяток кандидатов в нашей этой партии было, да... И защищали они здесь, в МГУ. У Смирнова Владимира Ивановича. А потом я занялся всякими сводками. Кокс. Какие-то газо-угольные, альтернативные энергоносители, модные...

О семейной жизни

Ю.С.: Я еще хотел спросить. Вот Долинка. Все-таки не Дмитров и не Москва. А как дети учились? Как там было, что за школа?

М.Г.: В Караганде?

Ю.С.: Ну, вы жили сначала в Долинке, а потом в Караганде.

М.Г.: Мы сначала... шесть лет [в Долинке]. Еще ребята маленькие были. А потом в Караганде нам дали четырехкомнатную квартиру, поскольку детей уже до фига было. У нас четверо детей было. Нам дали четырехкомнатную квартиру. У нас было две кухни. Кухня и для домработницы комната. Бесплатно дали. Подчеркиваю. В сталинское время.

Ю.С.: Почему, это уже не сталинское.

М.Г.: Как? Это было... Да. Уже не сталинское. Мы в 56-м году в Караганду переехали: Кирова, 24. Сейчас Ержуманова. Прямо у бульвара Мира. Рядом.

Ю.С.: Ну, Кирова это такое... центральное место. И дети учились в Караганде?

М.Г.: Да. Серега — отличник круглый. Вон он, Серега, на голубом фоне. А Володька — почти круглый. Он умер десять... двенадцать лет назад, от рака, Володя. Первенец наш. А вот — Андрей. А вот — Наталья. Вся моя братия. А это вот я написал картину: предки прадеда, Владимира Михайловича Голицына. Тут можно всех узнать: Иллариона, меня, всех можно узнать. Написал. И там сзади пустые места, продолжу дальше, кто еще добавится.

Ю.С.: Ну вот, Иллариона я узнал отсюда. Вон там, сбоку стоит, справа! С гривой.

М.Г.: Да-да-да-да. А я вот впереди тут, с Тамарой стою.

Ю.С.: А скажите, лето как проходило? Куда ездили?

М.Г.: Из Караганды мы, как правило, на август приезжали в Дмитров. Там у нас теща была, Тамарина мать, и я не вылезал из леса.

Ю.С.: То есть какая-то связь все-таки сохранялась с Россией.

М.Г.: Да. Она и сейчас сохраняется.

Ю.С.: Ну, сейчас-то! Сейчас вы в России! (*Смеются.*) Ну, понятно... А ребята тоже с вами? Да?

Увлечение охотой

М.Г.: Да, вместе. Все лесные походы... А в Казахстане-то мы на охоту все время ездили. На рыбалку ездили. Господи, там такие охоты и рыбалки!

Ю.С.: Ну, охоты, какие? Сайга.

М.Г.: Не-не-не!.. Я один раз сайгу убил и сказал: «Больше никогда не буду в жизни убивать».

Глухарь, 1997 год

Ю.С.: А какая там может быть охота? Ну, рыбалка, да...

М.Г.: Утки, гуси, зайцы...

Ю.С.: Ну, это да, конечно.

М.Г.: Лисы, корсаки... В общем, там охота была хорошая.

Ю.С.: А когда вы стали рисовать, писать?

М.Г.: А рисовать я в 82-м году [начал], уже тридцать лет получается. И вот сейчас опубликовал такую вот книжку.

Ю.С.: Какой глухарь замечательный! То есть вы все-таки еще охотник были?

М.Г.: Да-а-а! Я в тринадцать лет убил трех глухарей, до войны еще.

Ю.С.: А что, у папы ружье было?

М.Г.: Не. Не у папы. У папы ничего не было. У дядьки, у Шереметьева. Он был заядлый охотник. И он меня приучил к этому делу. Шереметьев Николай Петрович. Трех глухарей убил тринадцати лет! Да. А взрослые со мной были — ни одного глухаря не убили. Так, вальдшнепов и дупелей стреляли, а глухарей — это я.

Ю.С.: А сейчас ружье у вас есть?

М.Г.: Конечно!

Ю.С.: А какое?

М.Г.: У меня сейчас простая «ижевка», легкая.

Ю.С.: Двадцатый [калибр] что ли?

М.Г.: А «Зауэр» я подарил Андрею... И он с ним охотится, великолепно стреляет лосей, кабанов.

Ю.С.: А Андрей кем стал?

М.Г.: Он тоже кончал нашу кафедру геологическую, кандидат. И на Таймыре он работал. И кандидатскую вскорости защитил. А потом произвел пятеро детей и говорит: «Мне на ваши зарплаты — на билеты на трамвай не хватит!» И стал заниматься всякими, мало имеющими к геологии, к специальности, делами. И сейчас вот, тоже...

Ю.С.: Ему сколько сейчас?

М.Г.: Он 64-го года. Уже сорок девять лет. Мы с ним параллельно книжки эти делаем. С Андреем.

Работа после возвращения в Москву

Ю.С.: Понятно. А период, когда вы вернулись уже из Караганды... 75-й. Как это получилось?

М.Г.: Я сначала прошел по конкурсу в экономический институт, геологический. Такой ВИЭМС. Экономики минерального сырья.

Ю.С.: Был такой. Сейчас, может, и нет.

М.Г.: И там я работал тринадцать лет, в отделе полезных ископаемых. И заведовал я углем, торфом, горючими сланцами. И объездил все бассейны России, и расширил очень свой кругозор по этим бассейнам. Причем не только по, так сказать, научной и чисто геологическим позициям, но и с точки зрения экономики. Что выгодно, что не выгодно. И сейчас я являюсь экспертом ГКЗ и внештатным, независимым экспертом в компаниях зарубежных всяких.

Ю.С.: Ну, а решили тогда вернуться в Россию, в Москву, просто уже соскучились? Или там уже как-то все стало хиреть?

М.Г.: Докторскую я защищал в 75-м году в мае, а приехал в январе. Понятно, что я ее подготовил в Караганде. И у меня уже была диссертация готова.

Ю.С.: А где защищали, в МГУ?

М.Г.: Нет. Я защищал в Ленинграде, ВСЕГЕИ. И я прошел по конкурсу в институт. Но прописку за конкурсы не давали.

Ю.С.: Это громадная проблема!

М.Г.: И мне помог в этом Козловский, который был министром [геологии]. Да. А он был директором ВИЭМС, когда я поступал. Ну, видно, я ему понравился, и до сих пор мы в очень хороших отношениях. И он помог мне.

Ю.С.: А в ВИЭМСе эти тринадцать лет? Все-таки это большой период.

М.Г.: Очень большой. Это время я очень много читал. Книги, журналы. Особенно следил за литературой. И за миром не только угля, но миром газа, миром нефти. И сейчас заканчиваю книгу «Угле-, нефте-, газоносные бассейны мира». Вот, в компьютере она у меня кончается. Раньше как считалось? Очень просто. Нефть образуется в море. Сапропель, туда-сюда. А уголь — в болоте, на суше.

”

А я взял все бассейны нефтяные и все угольные по всем континентам и наложил их друг на друга. И у меня почти все нефтяные бассейны и угольные совпали. Понимаете, как интересно!

Возьмите Западную Сибирь. Нефть, газ... плюс десять триллионов тонн угля, которые раньше не считали. Ну, когда глубоко уголь, на четыре километра, он не нужен!

Ю.С.: Ну, не Донбасс, да.

М.Г.: Ну, сегодня он не нужен. На километре — не нужен, на двух, на трех... А завтра он будет нужен. И это угле-нефтегазоносные бассейны западносибирские. А не просто нефтяной [бассейн]! И Донбасс возьмите, уголь. А сюда Днепровско-Донецкая впадина с запада подошла. И у нас в Донбассе в шахтах нефть течет. Газ льет. Газовые месторождения на Западном Донбассе настоящие. Шебелинка, слышали?

Автопортрет, 2008 год

Ю.С.: Нет.

М.Г.: Ну как же?! Шебелинка дала Москве газ в первые послевоенные годы. Знаменитая Шебелинка. Но — неважно. В общем... Ленский бассейн — уголь, нефть и газ. И так далее и так далее. У меня весь мир положен.

Ю.С.: Ну, а как это объяснить?

М.Г.: Объяснить очень просто: болото, потом трансгрессия. Затопило море это болото. И стал образовываться ил черный, так называемый сапропель, который потом дал...

Ю.С.: Угли.

М.Г.: Нет. Дал уже источник сапропеля, источник нефти. Потом снова ушло море. Регрессировало. Снова заболотилось. Пласт угля. И — чередование. Таких сколько угодно. Вот Гвинейский залив в Африке. На берегу — угольные месторождения. На шельфе — нефть и газ. И наши угольные пласты туда нырнули, в нефтегазовые хозяйства. И особенно угли, в которых много липтинита. Липтинит — это споры, пыльца, кора, смоляные эти всякие штуки. Они — голимая нефть, в переводе на русский язык это углеводород. И есть угли очень богатые, особенно в Западной Сибири, там шестьдесят процентов таких. До шестидесяти процентов этих так называемых липтоидов, которые — источник нефти.

Ю.С.: А скажите, у нас завкафедрой [во МГРИ] был Кравцов...

М.Г.: Алексей Иванович.

Ю.С.: Алексей Иванович. И он говорил о гипотезе глубинного происхождения нефти...

М.Г.: Да-да-да. Это его...

Ю.С.: Это его конек был. Мы так слушали, удивлялись, но никакого отношения, в общем, не составили. То ли да, то ли нет. Как вы к этому относитесь?

М.Г.: Понимаете, природа столь многообразна, что любые процессы могут происходить, в том числе и поток водорода снизу. И когда водород встречает какие-то карбонатные породы, надо, чтобы С было, Н да С, СН и пошел... углеводородные ряды эти... может это быть. И вот Ларин, например, тоже, кстати...

Ю.С.: «Гипотеза гидридной земли!» Вот эта книжечка! Ларин.

М.Г.: Да-да-да, вот он недавно здесь сидел. Он в Казахстане у нас работал.

Ю.С.: Мы все на него так думали: «Ну, чудак какой-то!» А он — нормальный геолог?! (*Смеются*)

М.Г.: Он — хороший геолог.

Ю.С.: Хороший геолог! Понятно. (*Смеются*)

М.Г.: Но с Кравцовым у меня отношения... Он меня приглашал, кстати, к себе работать, уже когда я приехал из Караганды. Но я потом узнал, что он дал отрицательный отзыв на мою докторскую диссертацию в ВАКе. Хотя диссертация у меня неплохая. И вот, Хаин познакомился с моей диссертацией. Он говорит: «У вас очень хорошая работа».

Ю.С.: Значит, отзыв-то дал отрицательный, а приглашал, — значит, чувствовал, что...

М.Г.: Ну, это потом он приглашал, когда я уже стал тут какой-то величиной.

Ю.С.: Понятно-понятно.

М.Г.: Но, честно говоря, я ему собаку такую подложил, сам того не желая.

Ю.С.: А какую?

М.Г.: Он возглавил великолепную трехтомную монографию «Газоносность угольных месторождений СССР». Отличный собрал коллектив по всей Москве. Вот они у меня, три тома. Пользуюсь я ими все время. Отличные три тома. И на Сталинскую премию поступила эта работа. И мне прислали на отзыв. И я написал положительнейший отзыв. И написал одно маленькое замечание, что в первых двух томах ратуется за метаморфическое происхождение нефти из органики угля, а в третьем томе (вот то, что вы сейчас говорите) написано, что все из-под земли, уголь ни при чем тут. Я говорю: «Небольшая неувязка». Первые

два тома по всем бассейнам...

Ю.С.: Мягко говоря, небольшая, да.

М.Г.: ...по всем бассейнам написано, что из угля газ, из угля газ, из угля газ! А в третьем томе, результирующем, написано: ничего подобного — все из-под земли. Из недр.

Ю.С.: Маленькая неувязочка!

М.Г.: И когда собралась комиссия уже решать (там было два претендента — золотое месторождение и газ), и Яншин вел, Александр Леонидович: «Ну, что мы будем, — говорит, — делать? Ну, хоть дайте мне какие-нибудь замечания, есть, к этим самым?» — «Да, вот, — говорят, — у профессора Голицына есть...» — «Ну, — он говорит, — как же так может быть?!» И все.

Ю.С.: Понятно.

М.Г.: Но я еще раз говорю: я написал положительнейший отзыв!

Ю.С.: Нет, но что тут скажешь!

М.Г.: И до сих пор пользуюсь. Но... я даже не знал, когда писал отзыв, я не знал, что Кравцов заворачивал меня. Меня там спасли.

Ю.С.: Но это не имеет отношения к «заворачивали». Это просто... Но это объективно! Это да, интересно. А когда вы уже в Москве, в ВИЭМСе, — там вы тоже были заведующим лабораторией?

М.Г.: Нет. Нет, я был простым ведущим научным сотрудником.

Ю.С.: Только сами собой командовали?

М.Г.: Ну, одно время был главный научный сотрудник. Никаким начальником я не был. Но фактически был начальником. В общем, я везде ездил, по всем бассейнам.

Ю.С.: Ну, то есть вас принимали как начальника.

М.Г.: Да. Меня Козловский сразу на консультации по Донбассу вызывал, когда министром был. И потом, с отделом, с Управлением твердых горючих ископаемых у меня очень хорошие отношения и до сих пор, с бывшими руководителями. И мы с ними объездили... Я как консультант ездил по всем бассейнам.

Ю.С.: Понятно.

М.Г.: А ездили мы чего? Планы геологоразведочных работ утверждали по всем районам. И не здесь утверждали, здесь уже, так сказать, формально утверждали, а разбирали планы на местах. Вот тогда практика очень хорошая была. На местах геологи нам показывали планы, разрезы: «Хотим вот здесь. Хотим вот здесь!»

Ю.С.: Это угля касалось, да?

М.Г.: Да. Мы — по углю и горючим сланцам.

Ю.С.: Вы ездили один или с кем-то? Был какой-то у вас коллега? Ну, как работать, если человек сам с собой все время? Нужно с кем-то обсудить, вообще говоря. Там хоть было с кем это обсудить?

М.Г.: У меня кругом тут были все друзья, с которыми мы Горный кончали и геологоразведочный, и профессора тут были.

Ю.С.: Ну, то есть по работе было с кем обсудить?

М.Г.: Конечно. И сейчас есть.

Ю.С.: А как вы попали в МГУ?

М.Г.: В МГУ меня в 82-м году пригласили в ученый совет геологического факультета, в докторский. А потом умер профессор Александр Кириллович Матвеев, почти сто лет проживший, патриарх нашей угольной геологии. И меня пригласили туда читать лекции на третьем, четвертом, пятом курсе, разные предметы.

Ю.С.: То есть в МГУ все-таки. У нас-то ведь, в МГРИ, угля почти не было. Ну так, немножко.

М.Г.: Ну, у нас тоже немного угля. Все подались: нефть, газ. Но сейчас к углю отношение меняется. И потихоньку встанет на место. А с углем уже, вот с этими поездками, связан интересный случай в Средней Азии. Есть там месторождение Кызыл-Кия. И вот раз мы приехали в город Ош.... Там миндальные долины, розовые долины, Фергана, но я не к тому, а к тому, что нас встретили и повезли в заезжий дом обкомовский. В апреле месяце это было. Виноград. По-моему, холодильников не было тогда, это 50-е годы. Виноград, коньяки. Мы думаем: «Что такое, под белые ручки нас водят?» Наутро встаем, завтракаем, надо рассчитаться. Какой там! Что вы! Потом: «Вас приглашают в обком». Поехали в обком. Что такое? «У нас, — говорят, — к вам просьба такая: вот месторождение Кызыл-Кия, и по планам у нас была разведка вот этой, восточной части, а мы сейчас просим перенести на запад, первоочередной участок на западе». Но нам-то, в принципе, все равно: здесь надо бурить, и здесь надо бурить. Ну, мы им: «Пожалуйста, переносите!» А любые изменения проекта без Москвы невозможно было раньше делать. Сейчас где хотят бурят!

Ну, мы разрешили, а потом я спрашиваю: «А в чем дело-то?» — «Вы знаете, вот здесь угли длиннопламенные, без серы. Это лучший уголь для шашлыка!» Вот такие комические были случаи.

О современной геологии и угольной промышленности

Ю.С.: А скажите, оценивая ситуацию сегодня в геологии... Что-нибудь можете сказать? Переживаете, наверно? Или все-таки какой-то оптимизм?

М.Г.: Ну я в жизни оптимист с самого начала и помру оптимистом. Но сейчас геология другая стала совсем. Сейчас не нужна та геология, которая была. Тогда было — разведывать, разведывать, наращивать, наращивать потенциал полезных ископаемых. В частности, по углю, мы должны были в 2000 году добывать полтора миллиарда тонн.

Ю.С.: Куда девать-то?

М.Г.: А чего? Китай сейчас семь миллиардов добывает! Америка миллиард добывает уже давно. В год. И мы должны были давать. И под это мы, геологи, должны были разведать участки...

Ю.С.: А сколько сейчас?

М.Г.: А сейчас добываем триста тридцать. И мы понаразведали столько участков! На два миллиарда тонн. Можно по миллиарду добывать. Ну, по миллиарду... по сто миллионов можно добывать бесчисленное количество. А всего у нас сто пятьдесят семь миллиардов разведанных запасов. Вот, можно сто пятьдесят лет по миллиарду добывать — и не трогать больше.

Ю.С.: То есть геология угля больше не нужна?

М.Г.: Нужна другая геология! Нужна более детальная геология. С изучением технологических свойств глубокого... Чтобы расширить спектр использования угля, чтобы участки, которые геологи сейчас разведывают... как можно достовернее эти участки изучали. Ведь раньше мы большие куски, по двести, по триста миллионов тонн, по пятьсот миллионов тонн разведывали, и, конечно, такой детальности, которая требовалась, не было. А с другой стороны,

сегодня все в частных руках. Вы знаете, что государственных шахт практически нет.

Ю.С.: Ну, нету. Я как-то это до сих пор не понимаю, правильно или неправильно?

М.Г.: Все в частных руках. И частник заказывает геологам: «Вот, прирасти мне кусочек на двадцать миллионов тонн». Геологи — тоже частники геологи — делают отчет, утверждают в ГКЗ и передают заказчику. Всё!

Ю.С.: Ну, это не геология!

М.Г.: Это разведка! Но мы все равно... Мы должны изучить на этом участке строения.

Ю.С.: Но этого же, наверно, не делают.

М.Г.: Вот. И получается, что сейчас геология такая, массированная, как крупнейшие экспедиции были, не нужна! И нужна только для составления общих геофизических планов крупных территорий, в ведении государства чтобы было. А вся разведка...

Ю.С.: Ну, скажите, вот вы преподаватель уже давно...

М.Г.: С 88-го года... Двадцать пять лет.

Ю.С.: Ну, ведь приходят же какие-то хорошие ребята? Бывает, наверно?

М.Г.: Бывает. Но многие идут торговать унитазами, где платят в десять раз больше, чем профессору Московского университета. Далеко не все. Садовничий говорил, на всех факультетах одно и то же.

Ю.С.: Это я знаю.

М.Г.: Не все идут.

Ю.С.: Почти никто не идет. Не то, что не все. Вот в МГРИ почти никто не идет.

М.Г.: Это беда! Беда.

Ю.С.: А у вас преподаватели есть молодые?

М.Г.: Да. Есть.

Ю.С.: То есть вас кто-нибудь сменит? Есть кто-то, кто углем интересуется?

М.Г.: У меня надежда, что Андрей защитит докторскую по вот этим общим угле-, нефте-, газоносным бассейнам. Вместе мы уже десять или пятнадцать лет этим занимаемся. Ну вот, кстати, картинку можно показать.

Ю.С.: То есть все-таки в нем это сидит? Он на это не плюнул?

М.Г.: *(Показывает картинку)* Ну, тут плохо видно. Вот земной шар. И видите, сплошной линией уголь, а пунктиром — нефть и газ.

Ю.С.: Это то, что вы сказали — одно на другое село?

М.Г.: Да. Вот они наложены тут. Вот восток Австралии. Вся Америка, все основные Аппалачи. И нефть, и уголь.

Ю.С.: У меня тогда, в связи с этой картинкой, неприличный вопрос. Можете просто [в ответ] плюнуть и сказать: «А пошел ты!»: а тектоника плит? Все-таки для кайнозоя?

М.Г.: Я не признаю тектонику плит.

Ю.С.: И для кайнозоя тоже? Как-то с углем это играет, как-то связано, нет? В литературе мировой это играет? Для угля. Для вашей области.

М.Г.: У меня двоюродный брат был, сын сестры моего отца, Сергей Викторович Мейен. Может, вы слышали?

Ю.С.: Еще бы! Вы о нем потом расскажите немного. Это же такой человек, который... в святцах.

М.Г.: Ну, он выдающийся, конечно, был исследователь. И так рано покинул нас.

Ю.С.: Я был на похоронах его.

М.Г.: Да и я тоже был... На Хованском. Так вот, он доказывал, изучая флору, доказывал, что Индия уткнулась раньше носом между Африкой и Мадагаскаром. Отнимите Индию от Гималаев, разверните ее и — носом между Мадагаскаром и Африкой...

Ю.С.: Да. Это сложно. Ну, а все-таки в мировой литературе, по вашей [теме], по угольным вещам... есть интерпретации, которые связывают с тектоникой плит?

М.Г.: Не знаю. По-моему, у нас каждый год тектоническое совещание на шестом этаже происходит, каждый год. И вот одни — двигают плиты, одни, фиксисты, не двигают.

Ю.С.: Ну, это — наши. Наши. А там?

М.Г.: Не знаю. Я все-таки занимаюсь полезными ископаемыми, в основном.

Ю.С.: Но вы же делаете сводки по всему миру. Вы же их не из пальца высасываете. Вы же все материалы берете из западной литературы.

М.Г.: Ничего там двигать не надо. Не надо ничего двигать!

Ю.С.: Можно не двигать вернее, да?

М.Г.: Можно не двигать. Ну, вот этот пример — Индия, уткнувшая нос в Мадагаскар...

Ю.С.: Хороший пример. Да, хороший. Яркий. Но зато Мейен! Так Андрей, думаете, может все-таки как-то еще захотеть?

М.Г.: Да. Но он уже много собирает материалов... В зарубежгеологии. И у нас три тома «Нефтяные месторождения мира», Высоцкого, кстати, нашего профессора, уже покойника, выдающегося геолога-нефтяника и газовика. Мы с ним в очень хороших отношениях были. И он тоже поддерживал меня с этими бредовыми идеями. Сначала половина говорили: «Ну что Голицын говорит!»... «Спокойно, — говорит, — нефть в море, а уголь — на суше. Вот завелся!» Я говорю: «Ну, возьмите Западную Сибирь! Двадцать пять триллионов — триллионов! — угля тонн! Когда все мировые запасы — четырнадцать триллионов. Западная Сибирь набита углем! Это угольный бассейн с примазками нефти и газа. Потому что нефти десять миллиардов, а это — двадцать триллионов. Разный масштаб совершенно».

Ю.С.: То есть вы думаете, что геология опять понадобится, когда вот понадобится уголь всерьез?

М.Г.: Уголь и сейчас во многих странах на первом месте.

Ю.С.: Ну, у нас-то проще.

М.Г.: Америка — жгут семьсот миллионов тонн угля в год. А мы — сто. Почему?

Ю.С.: Потому что — проще. Проще и выгоднее, и... в частный карман, наверно, все это... лучше ложится. Из трубы лучше течет в частный карман, я думаю. И тем не менее вы все-таки оптимист, какое-то... поле работы, какие-то проблемы реальные, существуют? Для вашей области.

М.Г.: Понимаете, у нас четыре триллиона тонн угля в недрах России. Четыре триллиона тонн. Ну, правда до глубины тысяча восемьсот метров у нас подсчет идет. Но много минусов. Территория огромная. И два триллиона тонн — Тунгусский бассейн. Где он? У черта на рогах!

Ю.С.: Ну да.

М.Г.: Необжитые совершенно места. И эти два триллиона, может быть, понадобятся через пятьсот лет. Потом, огромный Канско-Ачинский бассейн, а угли бурые, их возить нельзя: рассыпаются и самовозгораются. Значит, их надо на месте сжигать. А на месте сжигать — куда энергию девать? Тоже Сибирь необжитая. Ну, много таких «но». Потом вот большой вопрос — кокс. Чтобы получить хорошую сталь, нужен очень хороший кокс. В домну загружается пять тысяч тонн железной руды. Слой железной руды — слой кокса. Кокс действует как восстановитель, это С, он отнимает у Fe_2O_3 кислород и освобождает железо. И он должен быть очень прочным. Если кокс хрупкий, железные куски раздавливают куски кокса, и тяги нет. И [домна] козлит. Рамзин еще был, профессор, раскозлил одну домну. А если все застывает там, ничего невозможно делать. Домна пропала.

Ю.С.: Домну надо разбирать, да.

М.Г.: Ну, это вы слышали, наверно. Вот целая проблема. У нас много коксовых углей, но не таких марок. Много газовых углей так называемых, а марки «К», чисто коксовых, мало. Недавно здесь сидел один из руководителей угольных. Спрашивает: «Михаил Юрьевич, где марку „К“ нам искать?» Я говорю: «Вот, Мстахское, в Сибири. И еще там где-то такое...». В общем, много «но». Хотя — много угля, много.

Ю.С.: Много таких задач тонких, да.

М.Г.: А еще пример. Вот, здесь гора нарисована. В 85-м году я писал эту картину там, в Якутии, в Южной. Эта гора заключает три миллиарда тонн угля... Не надо копать яму, как сейчас карьеры — ямы копают. Надо срыть эту гору. Она влево уходит, еще на двенадцать километров, эта гора — Эльгинское месторождение. Я двадцать пять лет бьюсь, чтобы осваивали это месторождение. Писал всем президентам, всем председателям Совета министров (у меня такая пачка), чтоб осваивать... Это наши геологи там. Мы разведали.

Ю.С.: Понятно.

М.Г.: Разведали мы. А нужно триста километров дорогу! От БАМа нужно аппендикс — триста тридцать километров.

Ю.С.: Ну, это ерунда, в общем!

М.Г.: Вот... перевалить надо Становой хребет. Но сейчас договорились. И дорогу построили. И уже первые тысячи тонн угля добыли. У меня в журнале «Уголь» все это описано, и все фотографии есть. Уже карьер работает. Но понадобилось двадцать пять лет! А по-хорошему, с 76-го года мы бьемся, чтобы здесь работы были.

Ю.С.: Я сейчас, знаете чего не понимаю, чего как-то боюсь. Вот эти разведки, эти работы — это же громадный труд громадного числа людей, громадные затраты. А потом пришли, всем раздали: это — ваше, это — ваше, это — ваше... Что-то в этом, у меня есть ощущение, что-то не так.

М.Г.: Нет. Понимаете, частники платят налоги, из которых мы платим пенсии.

Ю.С.: Вроде бы какие-то не совсем те налоги, что ли... Не знаю...

М.Г.: И вот эту Эльгу будут... уже начали разрабатывать. Это валюта. Японцы просят. Южные корейцы просят. Китайцы просят этот уголь. Хороший уголь. И «Мечел», знаете, компания знаменитая «Мечел»... «Металлы Челябинска». Они разрабатывают, и они будут продавать за границу и платить.

Ю.С.: Я с Козловским разговаривал, буквально вчера, довольно долго. Он мне книжку подарил, потом такую вот газету [со своим интервью], я вчера читал, довольно много прочел. У меня ощущение,

что разбазаривание какое-то, и расхищение, честно говоря. Вот сейчас была информация... у меня товарищ — геолог, очень хороший, Леша Сухов, в Институте литосферы работает.

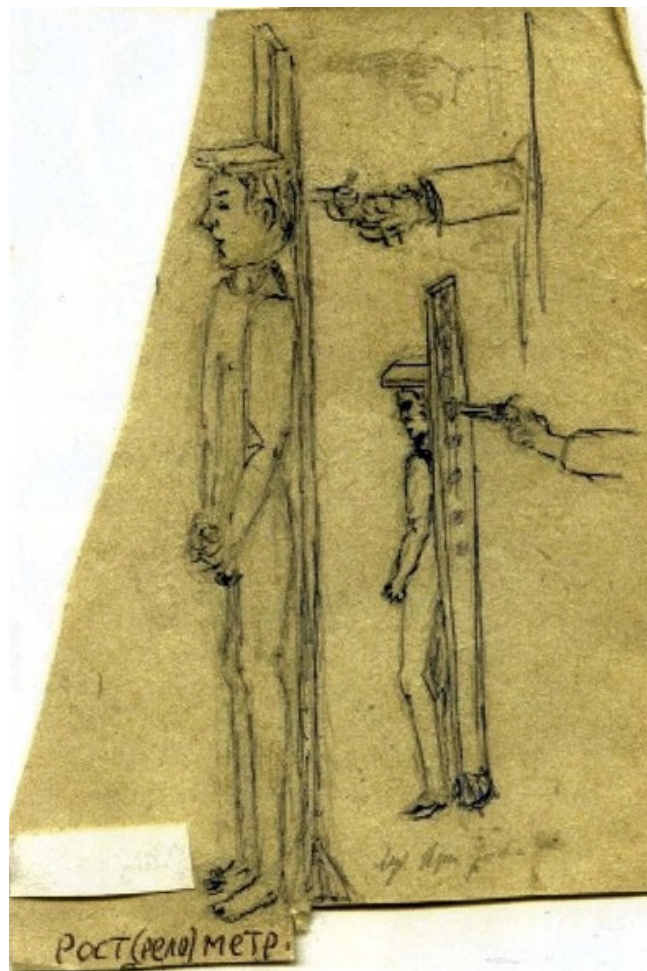
М.Г.: А такого нет института.

Ю.С.: Ну, здание-то осталось — [теперь] ГИН, да. Ну, в ГИНе, да. Я просто тоже работал там, вместе с ним. После института был распределен. Но дело не в этом. Сейчас информация была, дней десять назад, что приезжал китайский премьер, Шувалов, вице-премьер: «Вот, мы сомневались, не знали, а теперь решили». В общем, по-моему, отдают всю Сибирь добывать полезные ископаемые китайцам. А мы будем деньги получать. Как-то так. В общем, что-то в этом... Ну, это вопрос-то не к вам! Просто ощущение какое-то тревожное, оптимизма не вызывает — вот я к чему. Какая-то невнятица.

М.Г.: Ну, сейчас такие мнения, что надо восстанавливать Министерство геологии, с его заводами, со своими фабриками и так далее, и так далее. Мы сейчас все покупаем, все буровые станки, все это оборудование горное, все покупаем за границей. И шведское, и...

Ю.С.: Ну, это Козловский говорит... Я вот с Холодовым разговаривал. Вы, наверное, знаете. Владимир Николаевич Холодов.

М.Г.: Ну, а как же!

Ю.С.: Он говорит: «Я сейчас сижу на докторских диссертациях. Часто. Ну, бываю. Какие защиты? Ну, такой вот кусочек территории. Вот такой кусочек». — «А почему?» Он говорит: «А потому, что это материалы компании. Они с компанией работают. А компании больше не нужно». Я говорю: «Ну, так все же материалы в фонды передают. Должны передавать. Отовсюду». Он говорит: «Ну, должны — должны, а вот,

как-то...» В общем, ситуация такая, что чья компания, тот и защищает. Те и материалы. Вот вы с этим не сталкивались?

М.Г.: Нет. За мои годы, что я углем занимаюсь, прошло двенадцать или пятнадцать докторских диссертаций по углю. Ну, одна по сланцам, одна... Ну, в общем, по углю. Но диссертации такие: крупные регионы... Западная Сибирь, Кузбасс. Это огромные регионы! Юг Сибири весь — докторская. Докторская — северо-восток. Там сейчас австралийцы работают на коксовых месторождениях. Анадырь. Двенадцать или пятнадцать этих докторских прошло. Настоящие, хорошие докторские диссертации.

Ю.С.: А скажите, с кандидатскими как? Я почему спрашиваю, сейчас все время, идет такой разговор. Ну, даже не в том дело, что он не сам написал, — и раньше так было. Для Средней Азии, для начальников управлений писали. Для вьетнамцев писали у нас в МГРИ. Но писали ведь хорошие работы! Пусть ты не сам писал, но ты давал материал. Это были работы, настоящие... Ну, понятно, что люди знали — не сам, ну и бог с ним. Но работы были сами не халтурные. Уровень работ как-то снижается? Или все-таки держится? В вашей сфере.

М.Г.: Ну, понимаете, за исключением немногих диссертаций кандидатских, когда защищаются через два-три года после окончания университета, практически это — авансы. Ну, что вы можете за два года собрать? Особенно когда командировки урезаны, и трудно собирать материалы где-то. А геологу нужно собрать образцы, сделать шлифы, еще чего-то такое. И диссертации, особенно по Западной Сибири, конечно, по клочкам делаются. И, ну, не то, что это не научная работа, — это первая ступенька, будем говорить, к настоящей.

Ю.С.: Ну, если человек захочет дальше, сложится все...

М.Г.: Это аванс.

Я считаю, что кандидатская через три года — это аванс.

Кандидатская — когда человек кончил, проработал десять-пятнадцать лет, собрал настоящий материал, обдумал его, привез, проконсультировался. Вот это уже полновесные кандидатские диссертации.

Ю.С.: Понятно. Ну, хорошо.

М.Г.: А еще чем мы сейчас занимаемся много... в энциклопедии — статьи. Начиная с Детской, Российской общей, союзной и несоюзной, Геологической. Потом Угольную мы энциклопедию издали. Потом Геологическую, Козловский все издавал — молодец! И вот туда мы много статей писали с Андреем и с моими девочками с кафедры. Много энциклопедических статей. Они позволяют подумать и собрать материал как следует. И свежий материал дать. Сейчас вот новая Российская энциклопедия, вы, наверное, знаете. Новая Российская энциклопедия.

Ю.С.: Нет, не видел.

М.Г.: Уже первые тома вышли.

Ю.С.: И вы здесь за уголь отвечаете?

М.Г.: Да. Уголь, сланцы всякие.

Ю.С.: Ну что... Громадное вам спасибо за беседу! Интересно получается на самом деле: эти княжеские роды, они получились очень жизнеспособные, во всех условиях. Все вынесли. Остались человеками. Все. Хотя сейчас, конечно, когда назад смотришь, страшно обидно, что так...

М.Г.: Вот сейчас Ваня Голицын издал про Голицыных книжку. Вы, наверное, видели?

Ю.С.: Сейчас посмотрю. Я был на его выставках на двух, он меня приглашал. В Царицыне был. И потом, вот, Провиантские эти склады. А дочка ваша, где живет?

М.Г.: В Москве.

Ю.С.: А чем занимается?

М.Г.: Она художник. Сергей художник. И я вот стал художником, случайно. (*Улыбаясь.*) Хотя в детстве, когда я своим многочисленным детям рисовал корову, они говорили: свинья! И наоборот.

Ю.С.: А она... Живописец, график?

М.Г.: График. Она очень хороший график. Четверо детей.

Ю.С.: Это традиционное. А муж кто у нее?

М.Г.: А вот он, муж. Во-первых, он чемпион Москвы по гитарах. Он делает потрясающие гитары. Мастер уникальный. Он на соревнованиях побеждает, этих... музыкантов.

Ю.С.: А у нее художественное образование, у дочери?

М.Г.: Да. Она Полиграфический кончала. Сергей, сын, тоже Полиграфический кончал. Наталья вот оформляет отцовскую книгу. Дневники все эти. Обложки. Вставки — не вставки.

Ю.С.: Ну, и последний вопрос. Когда эта книжка выйдет?

М.Г.: Ой. Я ее набрал... в 2008 году. Сегодня 2013. И я очень хочу увидеть в этой жизни эту книгу. Может быть, она выйдет на будущий год. Но я ничего не могу уже утверждать. А книга уникальная.

Ю.С.: Как-то она мне очень мила. Хорошо. Спасибо, большое!

М.Г.: А несколько лет назад издали вот такую книжку. Это жизнь моя. А сейчас я вторую книгу буду издавать. Продолжение вот этого действия.

Ю.С.: Ух ты! Спасибо. Смотрю тираж: сто экземпляров. Понятно. Сами издавали?

М.Г.: Да. А эту издавало издательство.

Ю.С.: Это я вижу. Эта должна быть в магазине... Спасибо большое! Я вам сделаю копию записи, расшифровку. И тогда должен буду побеспокоить. Ну, принесу просто, ладно?

М.Г.: Да.

Ю.С.: Потому что для вас это нужно. Это есть кому.

М.Г.: А мы сейчас с вами по рюмке водки выпьем.

Ю.С.: А что скажет ваша супруга?

М.Г.: А она очень даже любит, когда я, это самое...

Ю.С.: Да?

М.Г.: Вот мы какой шеститомник издали «Угольная база России». Это все сводки.

Ю.С.: Да. Это серьезные вещи.

М.Г.: И мы тогда продолжим...

Ю.С.: Спасибо!

